

ДВА ПУТИ СОЦІАЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ.

Въ соціальной жизни, соціальной борьбѣ и соціальныхъ ученіяхъ современности существуетъ противоестественное и незаконное смѣшеніе устремленій, направленій и принциповъ. Соціализмъ, анархизмъ и соціальный вопросъ составляютъ любимую область для многословныхъ самоучекъ и диллетантовъ, а также для демагоговъ, не заботящихся ни о логикѣ, ни объ этикѣ. Въ этой области создалась традиція философской нищеты и юридическаго невѣжества; но не эти философски безпомощныя и неосознанныя противорѣчія важнѣе всего. Самое опасное это сознательное лукавое смѣшеніе добра и зла, преступления и справедливости, порабощенія и освобожденія, игра «полуистинами» (Вл. Соловьевъ), разрушающими жизнь. Такія полуистины обладаютъ нѣкоторымъ удивительнымъ свойствомъ: то, что въ нихъ истинно, не осуществляется никогда, а то, что въ нихъ ложно, осуществляется прежде всего и всегда. Ложь вводитъ въ заблужденіе и соблазняетъ своимъ «правдоподобіемъ», равно какъ зло соблазняетъ своимъ «доброподобіемъ». То, что въ полуистинѣ есть истиннаго, не искупаетъ ложь, не нейтрализуетъ, какъ сода кислоту, а, напротивъ, усугубляетъ ее, превращая въ самооправданіе неправды, а неправда, оправдывающая себя, есть самая великая ложь.

Классическимъ примѣромъ подобнаго рода смѣшеній, точнѣе, соблазновъ является теорія Шигалева, исходившаго изъ абсолютной свободы и пришедшаго къ абсолютному рабству; или теорія «Великаго Инквизитора», исходившаго изъ подвига любви и пришедшаго къ тираниі и инквизиціи. Жестокость инквизиторовъ потому такъ ужасна, что она совершается изъ любви къ людямъ, терроръ революціи потому такъ преступенъ, что онъ совершается во имя

свободы. Рабство коммунизма потому такъ безнадежно, что оно возвѣщаетъ анархическій идеалъ (и твердитъ «мы не рабы, рабы не мы»), угнетеніе рабочихъ потому такъ нагло, что оно дѣлается во имя пролетаріата. Самая страшная тираниа есть тираниа, одержимая идеей или прикрывающаяся идеей. Иллюзорное «величіе идей» превращается въ реальную величину преступления. Таково свойство «полуистинъ». Говорятъ: «въ соціализмѣ есть нѣчто вѣрное», и даже самъ Соловьевъ такъ думалъ; мы должны на это сказать: тѣмъ хуже для соціализма! ибо онъ тѣмъ болѣе ложенъ, чѣмъ болѣе «правдоподобенъ».

Правду и неправду въ этихъ уродливыхъ сращеніяхъ нельзя отдѣлать такъ легко, ихъ надо разсѣчь, причемъ уродливое существо погибаетъ, а правда осуществляется другимъ противоположнымъ путемъ. Соціализмъ погибаетъ совсѣмъ, если отсѣчь правду, при помощи которой онъ соблазняетъ.

Наше время потому является критическимъ, что оно разъединяетъ и противопоставляетъ враждебныя идеи и силы, раньше существовавшія въ соблазнительномъ смѣшеніи и сращеніи. Существуютъ предѣльные вопросы, предъ лицомъ которыхъ какъ бы духовнымъ мечемъ разсѣкаются эти уродливыя «полуистинны» или истинныя уроды. Такимъ первымъ абсолютнымъ вопросомъ, обращеннымъ къ каждому соціальному движенію, къ каждому анархизму, синдикализму и соціализму, вопросомъ роковымъ, опредѣляющимъ судьбу и направленіе всего движенія — будетъ вопросъ о допущеніи или недопущеніи п р е с т у п л е н і я .

Однажды, въ воскресенье, я ѣхалъ въ метро. Противъ меня сидѣлъ пьяный рабочий, который приставалъ съ разговорами;

онъ находилъ, что буржуазія возмутительна и коммунисты правы въ своемъ негодованіи, но къ сожалѣнію, онъ не можетъ самъ быть коммунистомъ! Почему-же? А потому, что онъ католикъ и не можетъ грабить и убивать! Поэтому онъ синдикалистъ, но не коммунистъ.

Вотъ у кого современные социалисты всякаго рода могли бы поучиться логикѣ ума и логикѣ сердца. (*Le socialisme s'est montré aussi pauvre logicien que méprisable charlatan. Proudhon.*)

Современное социальное движеніе стоитъ на распутьи, передъ нимъ два противоположныхъ направленія:

1) Путь социальнаго преступления, путь революціонно-коммунистическій; онъ утверждаетъ и декретируетъ лишеніе свободы, имущества и жизни въ качествѣ необходимыхъ средствъ для достиженія своей цѣли. Это путь умаленія индивидуальной свободы и свободной индивидуальности, имѣющей своимъ предѣломъ нуль свободы и индивидуальности, всеобщее и равное индивидуальное ничтожество рабовъ инквизиціонной тираніи («Великій Инквизиторъ»). Направленіе всего пути опредѣляется законническимъ идеаломъ абсолютно властвующей коммуны.

2) Другой путь — есть путь социальной правды и справедливости. Онъ отрицаетъ всякое нападеніе на свободу, имущество и жизнь; утверждаетъ неприкосновенность субъективныхъ правъ и непрерывное расширение и возрастаніе индивидуальной свободы и свободной индивидуальности. Признаетъ въ качествѣ необходимыхъ средствъ свободу союзовъ и проведеніе принципа свободнаго договора и имѣетъ своей конечной цѣлью и своимъ предѣломъ правовой идеаль безвластной организаціи.

Тотъ, кто вступаетъ на первый путь, вполне послѣдовательно признаетъ терроръ и диктатуру, послѣдовательно уничтожаетъ свободу союзовъ, свободу слова и совѣсти, и всѣ свободы вообще. Социалисты могутъ упрекать коммунистовъ только въ «излишнихъ стѣсненіяхъ свободы» и въ «чрезмѣрныхъ жестокостяхъ», но принципиально ничего противъ отнятія свободы и нарушенія правъ сказать не могутъ. Вотъ почему такъ неувѣренно и лицемѣрно звучатъ всѣ ихъ осужденія.

Но тотъ, кто вступаетъ на первый путь, не имѣетъ никакого права говорить о правахъ личности, протестовать противъ «эксплуатаціи» во имя индивидуальной свободы,

говорить о самоуправленіи, признавать демократію, а главное, какъ это дѣлалъ Марксъ, — манить соблазнительнымъ призракомъ безконечно далекаго анархизма и отрицать государство и власть. Кто говоритъ объ анархизмѣ серьезно и отрицаетъ диктатуру, власть и государство — тотъ больше не социалистъ. Весь либерально-анархическій фасадъ социализма есть раскрашенный гробъ, предназначенный для того, чтобы не испугать мертвой головой коммунистической тираніи.

Марксъ любилъ иногда пролить слезу объ эксплуатаціи бѣдныхъ рабочихъ (въ противоположность Ленину, презиравшему подобныя изліянія), но смыслъ этой изумительной привязанности къ рабочимъ заключался въ ненависти къ буржуазіи, въ желаніи овладѣть капиталомъ и властью, въ безумной «волѣ къ власти», декретирующей міру свой интернаціональный законъ.

Первый шагъ на этомъ пути — принятіе преступления — опредѣляетъ весь путь и его конечную цѣль, его завершеніе и предѣлъ. Преступленіе имѣетъ свойство нарастать, какъ лавина. Это Шекспиръ такъ дивно показалъ въ своемъ «Макбетѣ». Но убійство, насиліе, бунтъ, — вовсе не предѣлъ возрастающаго зла; они проносятся какъ вихрь и исчезаютъ. Не стихійное зло есть наибольшее зло, а организованное зло и легализованное зло. Предѣлъ зла есть организовавшая тиранія (всѣ библейскія видѣнія высшаго зла — суть видѣнія организованныхъ тираній: дьяволъ, искушающій Христа, апокалиптической Вавилонъ, антихристъ), а предѣлъ организованной тираніи — есть коммунизмъ.

* * *

Поразительно, до какой степени малое значеніе придавалось въ социальныхъ ученіяхъ этому центральному вопросу о принятіи или непринятіи преступления, тогда какъ онъ именно кладетъ водораздѣлъ: теоріи социальнаго преступления будутъ непременно теоріями властно организованныхъ тираній, левифанными теоріями; напротивъ, теоріи, отвергающія преступленіе, утверждаютъ систему свободы, идеаль свободнаго союза равноправныхъ лицъ. Такія теоріи непременно безвластны въ своемъ предѣлѣ, нисколько не будучи «анархическими» въ своей политикѣ, въ своихъ практическихъ путяхъ и средствахъ.

Сама проблема принятія преступления не поставлена и не осознана въ западно-европейскихъ социальныхъ ученіяхъ. Тѣ,

кому надлежало ее ставить, — социалисты, анархисты, синдикалисты, вообще революционеры, — просто утеряли понятие преступления в его вѣчномъ и абсолютномъ мистическомъ смыслѣ; оно растворилось, исчезло въ «религіи человечества», въ религіи прогресса. И никто даже не замѣтилъ этого исчезновенія. Замѣтили только Достоевскій и Толстой. Русской философской мысли и русскому нравственному сознанию принадлежит заслуга въ постановкѣ этого вопроса. Достоевскій началъ съ вопроса о принятіи индивидуальнаго преступления (въ «Преступленіи и Наказаніи»), и пришелъ къ вопросу о принятіи **с о ц і а л ь н а г о** преступления («Петръ Верховенскій, Шигалевъ, Великій Инквизиторъ»). Самое понятие социальнаго организованнаго и легализованнаго преступления составляетъ проблему еще ни разу не поставленную во всемъ объемѣ западной философіей. Судьба Россіи эту проблему ставитъ и рѣшать — въ мысляхъ и трагическомъ опытѣ своей страшной исторіи. Не одинъ Достоевскій съ нею встрѣтился: другой русскій гений — Левъ Толстой — бился надъ ея рѣшеніемъ и... конечно не рѣшилъ. Можно ли упрекать его въ этомъ, когда русскому народу предстояло долгіе годы трагически изживать невиданную социальную инквизицію и черпать въ этомъ опытѣ новую невѣдомую міру мудрость? Можно ли требовать отъ него исчерпывающаго рѣшенія, когда народы Европы, быть можетъ, въ теченіе столѣтій будутъ ставить и рѣшать эту проблему какъ величайшую и центральную?

Толстой не хотѣлъ принять **с о ц і а л ь н а г о** преступления, организованнаго и легализованнаго—въ этомъ онъ сходится съ Достоевскимъ и въ этомъ же лежитъ глубочайшій источникъ его **а н а р х и з м а**. Толстой предсказалъ, что мы вступаемъ въ такой періодъ исторіи, когда страшны будутъ не индивидуальныя преступления, а социальныя, совершаемыя государствами въ формахъ «законности». Пусть Толстой не правъ въ томъ, что всякое государство есть только социальное организованное преступленіе, но онъ правъ въ томъ, что государство **м о ж е т ь** принять социальное преступленіе и встать на путь социальнаго преступления, и эта преступность куда страшнѣе, чѣмъ преступность выдуманнаго Соловьевскаго злодѣя, насилующаго ребенка — ибо ей предстоитъ реальное будущее исторіи. И никто другой, какъ его собственная родина,

воплотила эту невѣроятную возможность государственно организованнаго преступленія.

А н а р х и з м ь не можетъ принять социальнаго преступленія и потому не можетъ встать на путь революціоннаго насилія—вотъ положеніе, которое приводитъ Толстого къ теоріи пассивнаго сопротивленія (не совсѣмъ правильно называемой теоріей «непротивленія»). Это положеніе должны были бы помнить анархисты-бомбисты, анархисты-коммунисты и революціонные синдикалисты. Разрушительно революціонный анархизмъ Бакунина совсѣмъ не есть отрицаніе государства и борьба съ властью; напротивъ, это *Wille zur Macht*, это крайнее напряженіе «похоти господства». Принципъ власти всегда торжествуетъ во всякой революціи по слову: «власть умерла, да здравствуетъ революціонная власть!» Всѣ революционеры—инквизиторы и этатисты. «Сломать государственную машину» — это значить тотчасъ соорудить новую машину, болѣе страшную, обыкновенно — гильотину.

* * *

Современный анархизмъ также соблазнителенъ и двусмысленъ и противорѣчивъ, какъ и другія социальныя теоріи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ такое невѣроятное наименованіе, какъ «**а н а р х и с т ы к о м м у н и с т ы**». Если коммунизмъ-анархизмъ Маркса обѣщаетъ путемъ абсолютнаго рабства привести къ абсолютной свободѣ, путемъ гипертрофіи власти привести къ безвластію («каменный топоръ» государства будетъ сданъ въ музей древностей, когда всѣ несогласныя головы будутъ отрублены), — то анархисты-коммунисты поступаютъ какъ разъ наоборотъ; призываютъ къ революціонному освобожденію, чтобы потомъ увѣнчать его тираніей коммунизма. То и другое построено на радикальномъ непониманіи идеи права и государства. Можетъ ли для истиннаго анархиста быть что либо ненавистнѣе коммунизма? Пора задуматься надъ тѣмъ, что Марксъ ненавидѣлъ Бакунина и Бакунинъ ненавидѣлъ Маркса, что русскіе коммунисты безпощадно преслѣдовали анархистовъ и анархисты неустанно боролись съ коммунистами.

Всѣ эти смѣшенія логически и этически несовмѣстимаго мы встрѣчаемъ также, и даже въ наибольшей степени, въ доктринахъ и практикѣ **с и н д и к а л и з м а**. Съ одной стороны призрѣніе къ старому социализму, отрицаніе парламентскаго со-

циализма съ его стремленіемъ къ власти, критика демократіи, отрицаніе государства, вообще — Прудоновскій анархизмъ, циклъ идей, дающій поводъ думать, что синдикализмъ есть антисоціализмъ, что онъ признаетъ только правовой путь договорныхъ организаций, отрицаетъ власть, какъ насиліе, и насиліе, какъ преступленіе, воодушевляясь вмѣстѣ съ Прудономъ идеей свободной личности и справедливостью, какъ высшей цѣнностью, — съ другой стороны, къ нашему изумленію, нѣчто противоположное и совершенно неожиданное: Сорель провозглашаетъ безпощадную классовую борьбу, всеобщую забастовку, безконечную революціонность и «насиліе пролетаріата». Но это и есть старый и даже самый старый соціализмъ, это и есть «коммунистическій манифестъ»! И, дѣйствительно, Сорель все время говоритъ о своемъ соціализмѣ и марксизмѣ и считаетъ себя истиннымъ марксистомъ. «Насиліе спасетъ міръ» — говоритъ Сорель! Именно такъ думаютъ коммунисты, провозглашая диктатуру пролетаріата. «Насиліе спасетъ міръ» — это значитъ «преступленіе спасетъ міръ», ибо мы знаемъ теперь на опытѣ, о какихъ насиліяхъ здѣсь идетъ рѣчь. Прудонъ никогда не скажетъ «преступленіе спасетъ міръ», «насиліе спасетъ міръ»; онъ скажетъ: «справедливость спасетъ міръ», «свобода спасетъ міръ!» Это два противоположныхъ пути, два несомнѣстимыхъ пагоса.

Вообще, самое безвкусное смѣшеніе, самая безсовѣстная путаница царитъ въ произведеніяхъ Сореля: здѣсь и насмѣшка надъ старымъ позитивизмомъ, и уваженіе къ метафизикѣ, и принятіе ирраціонализма Берксона, и восхваленіе католицизма, однимъ словомъ, весь французскій литературный «модернъ» — и рядомъ съ нимъ, на каждомъ шагѣ, Марксъ съ его научнымъ соціализмомъ и вѣрой въ абсолютную рационализацию жизни. Конечно, во всемъ этомъ есть нѣчто «безпомощно-наивное и глубоко циническое» (П. Б. Струве); конечно, это предѣлъ «эклетического дилетантизма» (Н. И. Новгородцевъ), но главная вредоносность лежитъ, конечно, въ смѣшеніи путей, въ смѣшеніи добра и зла.

Но вотъ приходитъ реальная жизнь и раскалываетъ своимъ мечемъ всю эту путаницу идей и стремленій; она показываетъ, что Сорель никогда не понималъ Прудона, никогда не понималъ Маркса, и никогда не понималъ самъ себя, ибо въ

основѣ его соціальныхъ разсужденій лежатъ смѣсь синдикализма и соціализма, т. е. «двухъ возрѣній, противоположныхъ какъ черное и бѣлое» (слова Эрве на Лиможскомъ съѣздѣ.)

Война прежде всего рѣзко раздѣлила реформистовъ, признающихъ путь правовой организации пролетаріата въ предѣлахъ существующаго государства, и, слѣдовательно, допускающихъ защиту этого государства, какъ отечества — и экстремистовъ, отрицающихъ «предразсудки отечества и милитаризма» и считавшихъ, что солдаты должны стрѣлять въ своихъ собственныхъ офицеровъ. Эти смѣлые революціонеры во время войны, однако, куда то попрятались, но послѣ заключенія мира немедленно появились вновь, вызванные кличемъ III Интернаціонала. Это онъ произвелъ окончательное раздѣленіе, показавъ, что сущность соціализма есть коммунизмъ и что приходится выбирать между коммунизмомъ и антикоммунизмомъ. Въ результатѣ Орлеанскаго конгресса 1920 г. во *всеобщую конфедерацию труда* (крѣпость французскаго синдикализма) внесенъ окончательный расколъ: экстремисты (правда оставшіеся въ меньшинствѣ) стали на точку зрѣнія III Интернаціонала, что «насиліе спасетъ міръ», приняли принципъ міровой революціи и отреклись отъ корпоративно-правового пути и синдикализма, однимъ словомъ, стали коммунистами. Напротивъ, большинство высказалось противъ присоединенія къ III Интернаціоналу, слѣдовательно, противъ принятія преступленія, противъ насилія, противъ коммунизма. Съ другой стороны, оно попрежнему не соглашается на союзъ съ французской соціалистической партіей. Этимъ синдикализму какъ бы предуказывается антисоціалистическій путь, намѣченный Прудономъ. И, дѣйствительно, синдикалисты начинаютъ теперь чаще ссылаться на авторитетъ Прудона, Реклю, Кропоткина, чѣмъ на авторитетъ Маркса и Энгельса. При такихъ условіяхъ «размышленія о насиліи» становятся излишними и Сорель выходитъ въ отставку. Идеинные вожди синдикализма сами устраняются. Есть что то удивительно комичное въ этой картинѣ вождей, разорванныхъ на части своими собственными противоположными стремленіями, или, лучше сказать, приведенныхъ къ положенію Буридановыхъ ословъ одинаковымъ притяженіемъ справа и слѣва. Однако, то отрадное обстоятельство, что большинство высказалось за анти-соціа-

листическій и анти-коммунистическій синдикализм: нерѣшаетъ вопроса окончательно. Меньшинство не подчиняется и продолжаетъ дѣйствовать въ противоположномъ направленіи (*pour contunuegons*) и мы имѣемъ расколъ совершенно аналогичный расколу французской социалистической партіи. «Дѣло ненависти и раздѣленія внесено въ рабочей класъ» (Мерейнъ). И это не можетъ быть иначе, если дѣло идетъ о томъ, чтобы принять или отвергнуть принципъ социального преступления. Трудно еще предвидѣть результаты этого раскола, но онъ имѣетъ ту хорошую сторону, что отъ синдикализма откалывается все то, что его компрометировало съ точки зрѣнія моралии права. На первый планъ выступаетъ та цѣнная сторона синдикализма, которую отмѣтили Бенуа, Дюги и даже Теллинекъ а именно, развитіе профессиональных союзовъ и корпоративнаго начала. Намѣчается, какъ будто дѣйствительно возрожденіе средневѣковаго корпоративнаго духа, имѣющее передъ собою грандіозный замыселъ «федерации автономныхъ синдикатовъ» (Лагардель), долженствующихъ замѣнить централизованно властвующее государство. Однако, всякій серьезный юристъ задумается надъ путями осуществленія этой замѣны. Единое и общее для всѣхъ право, защищаемое и признаваемое государствомъ, должно, во всякомъ случаѣ остаться, какъ несомнѣнная цѣнность. Въ немъ должна протекать жизнь профессиональных союзовъ, оно регулируетъ ихъ конфликты и споры между собою, оно осуществляетъ ихъ единство, оно регулируетъ правовыя отношенія союза къ индивидууму, могущему войти въ союзъ, и выйти изъ него свободно, не теряя при этомъ своей правоспособности и не страдая отъ тираніи цѣха. Въ этомъ Дюги безусловно правъ и къ этому въ концѣ концовъ пришелъ «анархистъ» Прудонъ, признававшій необходимость сочетанія началъ профессиональнаго федерализма съ принципомъ государственнаго единства.

Но именно этимъ принципиально опредѣляется путь синдикальнаго реформизма, т.е. дѣятельности въ формахъ права и справедливости, безъ насилія, преступленія и разрушенія, дѣятельности, протекающей внутри государства. Съ нѣкоторыми колебаніями и неохотой синдикализмъ вступаетъ на этотъ путь: слишкомъ привыкли всякое рабочее движеніе соединять съ понятіемъ революціи и насилія,

слишкомъ привыкли всякую революцію считать чѣмъ то благороднымъ и прогрессивнымъ. Этимъ объясняется такое странное выраженіе, вышедшее изъ нѣдръ синдикализма, какъ «революціонный эволюціонизмъ». Это наследіе первороднаго грѣха социалистическихъ и анархическихъ смѣшеній, на самомъ дѣлѣ, конечно, только словесная революціонность: на дѣлѣ она означаетъ окончательный выходъ на путь реформизма.

Есть ли такой синдикализмъ, дѣйствующій внутри государства и въ формахъ права окончательная капитуляція передъ принципомъ государства и власти? Вовсе нѣтъ! Онъ преобразуетъ государство въ сторону минимума власти и максимума права. Онъ осуществляетъ какъ бы «демобилизацию власти». Не тотъ этакъ, кто дѣйствуетъ въ формахъ права и справедливости, (ибо право по идеѣ — безвластно), а тотъ этакъ, кто принимаетъ революціонное насиліе, ибо революція всегда этакъ, властна, инквизиціонна. Вотъ почему Фурнье (*La crise socialiste*) говорить: «Всѣ мы этакъ, всѣ, включая сюда и анархистовъ синдикализма; и это потому, что всѣ мы думали, что завоеваніе государства, для того лишь, чтобы имъ завладѣть или чтобы его разрушить, будетъ достаточно для всего и дать намъ все».

* *

Для социализма основу всѣхъ юридическихъ и этическихъ смѣшеній несомнѣстимыхъ элементовъ заложилъ самъ Марксъ. Свойственная ему «нищета философіи» и бѣдность юриспруденціи дѣлали эти смѣшенія мало замѣтными. Эта традиція осталась и до сего дня; социализмъ философски нищъ и юридически безпомощенъ. Сами социалисты признаютъ, что юридическая сторона социализма совершенно неразработана. Только такъ и можно объяснить всю эту невѣроятную путаницу въ вопросахъ права и государства. У Маркса есть два основныхъ противорѣчія, опредѣляющихъ будущее разложеніе его доктрины:

1. противорѣчіе между анархическимъ отрицаніемъ государства — и коммунистическимъ утвержденіемъ обобществленія орудій производства, слѣдовательно, утвержденіемъ и усиленіемъ государства. Юристы, конечно, и до русской революціи замѣтили, что социалистическій идеалъ есть крайнее выраженіе этакъ (напр. Ф.Ф. Кокошкинъ). Русский коммунизмъ показалъ это съ полной очевидностью.

2) Противорѣчіе между идеей диктатуры пролетаріата — и идеей непосредственной демократіи. Съ особенной силой это противорѣчіе выступает у Энгельса: «Демократическая республика есть специфическая форма для диктатуры пролетаріата» (1891 г. Отзывъ о проектѣ Эрфуртской программы). Въ дѣйствительности всякая демократическая республика противится диктатурѣ и всякая диктатура уничтожаетъ демократію. Демократія несомѣстима съ социализмомъ. Платонъ это установилъ въ теоріи, Ленинъ понялъ и осуществилъ на практикѣ.

Но даже и выраженіе: «Диктатура пролетаріата» совершенно противорѣчиво. Пролетаріатъ не можетъ стать диктаторомъ, онъ можетъ только выставить диктатора или подчиниться диктатору. Въ реальной жизни диктатура пролетаріата означаетъ диктатуру «во имя пролетаріата» и всегда въ концѣ концовъ диктатуру надъ пролетаріатомъ. Утвержденіе диктатуры, какъ временной и переходной, тоже лишено смысла. Бакунинъ справедливо говорилъ, что «всякая диктатура хочетъ увѣковѣчить себя». И, съ другой стороны, исторія не знаетъ другихъ періодовъ кромѣ переходныхъ.

Однако, только одна сторона этой антиноміи была у Маркса взята серьезно и сохранялась имъ неизмѣнно и до конца; другую сторону онъ утверждалъ только нехотя, для прикрытія, лицемѣрно. Для него былъ важенъ коммунизмъ и диктатура; анархизма и демократіи онъ не хотѣлъ и боялся.

Прямо смѣшно придавать серьезное значеніе анархизму Маркса, какъ это дѣлаетъ Кельзенъ. Это значитъ дать себя обмануть Марксовской мимикріей и демагогіей: Марксъ хотѣлъ казаться революционеромъ не меньше Бакунина и анархистомъ не меньше Прудона, — такова была мода времени. Проф. Новгородцевъ правильно усмотрѣлъ, что «безгосударственное состояніе» Маркса лежитъ въ направленіи прямо противоположномъ всякому анархизму, въ направленіи возрастающаго законничества и этатизма: право и государство становятся излишними, потому что «норма и порядокъ входятъ въ кровь и плоть человѣка». Безгосударственное состояніе Маркса есть достигнутый предѣлъ рациональной тираниі, при которой уже не нужно регулировать, управлять и властвовать. Это такая гипертрофія государства, при которой оно уже перестаетъ быть похожимъ на государ-

ство. Ибо, если пантеизмъ въ сущности уже не знаетъ Бога, то пантатизмъ уже не знаетъ государства. Власть становится ненужной при абсолютной подвластности, норма излишней при невозможности нарушенія.

Свое отрицательное отношеніе къ демократіи Марксъ проявлялъ множество разъ. Всего ярче оно выступает въ его враждѣ къ Лассалю. Можетъ показаться, что анархистъ и революционеръ, встающій противъ власти и государства, нападаетъ здѣсь на государственника; такъ можно было бы разуждать, если бы вмѣсто Маркса повелъ атаку Бакунинъ, у Маркса это означаетъ нѣчто совсѣмъ другое: инквизиторскій духъ Маркса, съ его жаждой диктатуры, и революціоннымъ декретизмомъ, съ его неуваженіемъ къ праву и принципальнымъ отверженіемъ всякаго этического идеализма — возстаетъ здѣсь противъ Лассалья, какъ продолжателя традиціи нѣмецкаго идеализма, вѣрящаго въ нравственную природу правового государства, въ этическую цѣнность автономіи, демократіи, субъективнаго права и свободы. Конечно, въ этомъ спорѣ всѣ симпатіи на сторонѣ Лассалья. И замѣчательно при этомъ, что именно Лассаль имѣлъ бы право ссылаться на идеаль безвластной организаціи, какъ конечную цѣль правового демократическаго государства, опираясь на традицію Руссо и Фихте; напротивъ, какъ разъ Марксъ не имѣетъ права говорить объ этомъ идеаль.

* * *

Вся эта система совмѣщенія несомѣстимаго была разрушена реальной жизнью. Соціальное движеніе современности произвело настоящее распаданіе марксизма. Вотъ его основные историческіе моменты.

Съ одной стороны, сохраняется чистая линія коммунизма съ утвержденіемъ соціальной революціи, диктатуры пролетаріата, классовой борьбы, разрушенія религіи, съ презрѣніемъ къ праву и демократіи. Эта линія сначала одиноко поддерживается Марксомъ и Энгельсомъ въ ихъ борьбѣ съ Лассалемъ, въ ихъ критикѣ «готской программы», въ ихъ презрѣніи къ «соціаль-демократіи», вождей которыхъ Марксъ называетъ «убогими контрреволюціонными болтунами» (письмо отъ 1879 г.), и они дѣйствительно контрреволюціонны, ибо не пріемлютъ революціи и соціальнаго преступленія, къ которому призываетъ коммунистическій манифестъ.

Это теченіе, однако, на долго отступать

назадъ передъ развитіемъ социаль-демократіи, передъ государственнымъ демократическимъ и правовымъ реформизмомъ, въ духѣ Лассалля (передъ которымъ склоняется даже Энгельсъ). Однако, оно скрывается лишь для того, чтобы потомъ проявиться съ поразительной силой и максимальной прямолинейностью въ русской революціи, въ ленинизмѣ, въ III Интернаціоналѣ и дѣятельности международнаго коммунизма.

Противоположное теченіе, расколовшее социализмъ и разрушившее единство марксовской доктрины, было создано Лассалемъ (не Бакунинымъ, конечно!). Не даромъ Марксъ и Энгельсъ такъ боялись Лассалля, это государственно-демократически-реформистское теченіе. Социализмомъ оно называется только потому, что признаетъ социальный вопросъ важнѣйшей проблемой современнаго правового государства. Оно прежде всего отвергаетъ принципъ социальнаго преступления, путь диктатуры и революціонной тирании. Лассаль говоритъ: «было бы величайшимъ фактомъ культуры, если бы инициатива въ социальномъ вопросѣ являлась плодомъ науки и любви, а не ненависти и дикой санкютской ярости». «Очутиться черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ въ разгарѣ пролетарской революціи и самимъ пережить ужасы июльскихъ дней! Но мынедопустимъэтого, этому не бывать!» Это теченіе признаетъ путь внутриправовой и внутригосударственный (Эрфуртская программа), путь социальнаго реформъ, по которому идутъ социаль-демократы и всѣ парламентскія социалистическія партіи.

Пока не было русской революціи и III Интернаціонала, это теченіе могло беззаботно считать себя истиннымъ социализмомъ, исповѣдующимъ коммунизмъ и марксизмъ въ теоретической части Эрфуртской программы, и отодвигающимъ его практически въ безконечную туманную даль. Но съ момента русской революціи ему дается выборъ между «социаль-предательствомъ» и коммунистической революціей; встаетъ вопросъ о томъ, настоящій ли это социализмъ и марксизмъ, вѣдь пути открываются прямо противоположные: налѣво — отрицаніе демократіи, отрицаніе права и всѣхъ свободъ и, прежде всего, воинствующее отрицаніе религіи, что Достоевскій считалъ существеннымъ признакомъ социалистическаго міросозерцанія, такъ же какъ Марксъ и Энгельсъ и русскіе коммунисты; направо — утвержденіе и укрѣпленіе демократіи, субъективнаго права и всѣхъ

свободъ, начиная со свободы совѣсти («религія, какъ частное дѣло») и кончая свободой союзовъ.

Идя по этому пути, новѣйшая нѣмецкая «социалистическая» мысль пришла къ отрицанію нищеты материалистической философіи Маркса, къ требованію идеалистическаго міросозерцанія, къ отрицанію классово-ненависти, даже къ требованію любви и религіозности для массъ (Наторпъ, Зомбартъ, Шпенглеръ, Бюркъ). Вполнѣ свое временно поэтому, когда философъ права—Штаммлеръ, ставитъ, наконецъ, вопросъ: социализмъ ли это? И отвѣчаетъ на него отрицательно: общественный идеаль, какъ систему свободныхъ лицъ, какъ направленіе справедливаго хотѣнія, нѣтъ рѣшительно никакого основанія называть социализмомъ. Юридически и экономически здѣсь берется направленіе противоположное социализму: утвержденіе субъективнаго права частныхъ лицъ и союзовъ есть утвержденіе и укрѣпленіе автономіи частнаго хозяйства, т.е. того самаго принципа, отрицаніе котораго составляетъ сущность социализма — коммунизма. Идеи экономической автономіи и экономической демократіи прямо противоположна социализму.

Социальный реформизмъ вообще совсѣмъ не есть социализмъ. Акціонерная компанія противоположна социализму, также какъ «производительное товарищество» Лассалля, также какъ всякая фабрика и заводъ, купленные рабочими, также, наконецъ, какъ вообще всякая свободно организованная коммуна, изъ которой можно свободно выйти, если она существуетъ въ предѣлахъ правового государства. Прудонъ часто удивлялся: кто мѣшаетъ коммунистамъ устраивать ихъ коммуны, если онѣ имъ такъ нравятся? Для этого не нужно никакого социализма и никакой революціи, не нужно также согласія министра или палаты. Бѣда только въ томъ, что «коммуны» столь отвратительны всѣмъ, что въ нихъ можно вообще загонять только силой.

Нельзя думать, что это неважный споръ о словахъ. Сила словъ громадна и вредъ легкомысленной болтовни безконеченъ. Слова производятъ массовыя внушенія, бросаютъ сѣмена въ подсознаніе народа. О власти словъ свидѣтельствуетъ это выраженіе, возникшее въ синдикализмѣ: «революціонная эволюція»; повидимому, это значитъ: хорошая, настоящая, истинная эволюція. Продолжительная революціонная фразеологія внушила, что революціон-

ность есть признакъ благородства. Необходимо напомнить, что т о в а р и щ е с т в о на п а я х ъ не должно состоять непрерывно изъ большевицкихъ «товарищей», что социальный вопросъ не есть «социализмъ», что социальный идеалъ не есть социалистическій идеалъ, — это нужно сказать и направо и налѣво.

Социализмъ, превратившійся въ политику социальныхъ реформъ, не есть социализмъ. Кто изъ либераловъ и консерваторовъ, кто изъ промышленниковъ и капиталистовъ не будетъ радъ, если рабочіе въ правовыхъ формахъ (т.е. не грабя и не убивая) достигнутъ «достойнаго человѣческаго существованія»? Нужно только помнить, что общество состоитъ не изъ однихъ рабочихъ и что социальный вопросъ не есть только «рабочій вопросъ».

Если социализмъ есть обѣщанное Эрфуртской программой и коммунистическимъ манифестомъ «величайшее благосостояніе и всестороннее гармоническое усовершенствованіе», «освобожденіе не одного только пролетаріата, но и всего человѣческаго рода», если социализмъ состоитъ просто въ томъ, чтобы всѣмъ было хорошо, какъ это думаетъ наивная масса, загнилотизированная словами, тогда всѣ мы социалисты и нѣтъ никакихъ несоциалистовъ. Къ сожалѣнію (или къ счастью), русскій опытъ показалъ, что социализмъ, есть такой строй, когда всѣмъ плохо и всѣмъ невыносимо, за исключеніемъ властвующихъ. Показать одиозность социализма и революціи народнымъ массамъ — вотъ задача социального воспитанія. Въ противоположность Сорелю мы должны сказать имъ: освобожденіе отъ насилія и социального преступленія спасетъ міръ!

Повсюду социальное движеніе должно выбирать между коммунизмомъ и антикоммунизмомъ, между подлиннымъ социализмомъ и демократической партией социальныхъ реформъ. Эта необходимость раздѣленія несомнѣстимаго осуществилась и во французскомъ социализмѣ на Турскомъ съѣздѣ 1920 г. По вопросу о присоединеніи къ III Интернаціоналу социалистическая партія окончательно раскололась: большинство высказалось за присоединеніе къ III Интернаціоналу, выразивъ этимъ, что оно считаетъ сущностью социализма — к о м м у н и з м ъ, и принявъ ясное и точное названіе *partie socialiste-communiste*, а меньшинство, конечно, отдѣлилось, сохранивъ для себя старое названіе: *partie socialiste unifié*. Леонъ Блюмъ говорилъ на

Съѣздѣ (желая, конечно, удержать отъ присоединенія къ III Интернаціоналу), что социализмъ и коммунизмъ два противоположныхъ міровозрѣнія, двѣ несомнѣстимыхъ доктрины революціонизма и реформизма. Это вѣрно, но только при томъ условіи, если социальный демократическій реформизмъ перестаетъ быть социализмомъ, берущимъ направленіе на коммунизмъ и перестаетъ имъ именоваться. Въ самомъ сохраненіи термина «социализмъ» есть нѣкоторая вредная бессмысленность, нѣкоторое лукавство. Въ самомъ реформизмѣ еще возможно раздѣленіе путей: или социаль-демократизмъ будетъ умаленнымъ коммунизмомъ, ставящимъ своей цѣлью постепенно возрастать, чтобы, въ концѣ концовъ, захватить власть и стать полнымъ коммунизмомъ, уничтоживъ всѣ права и свободы, которыми онъ пользовался на своемъ пути, или же социаль-демократизмъ будетъ поворотомъ отъ коммунизма въ противоположную сторону и тогда онъ не имѣетъ права именоваться социализмомъ, ибо сущность социализма есть коммунизмъ.

* * *

Глубочайшее недомысліе социализма коренится въ нѣкоторомъ фундаментальномъ непониманіи идеи права, которое свойственно всей социалистической литературѣ. Въ отношеніи къ праву социализмъ обнаруживаетъ слѣдующее противорѣчіе: съ одной стороны, онъ есть законничество и декретизмъ, вѣра въ абсолютную силу нормы, рациональнаго урегулированія жизни; все хаотическое, анархическое должно быть урегулировано закономъ, должно стать закономѣрнымъ и эта законѣрность есть основная цѣль и основное дѣло социалистическаго разума. Съ этой точки зрѣнія социализмъ долженъ былъ бы выше всего ставить право и законъ и называться чистымъ юрицизмомъ.

Но, съ другой стороны, для социализма въ высшей степени характерно презрѣніе къ праву, ярко выраженное въ русскомъ коммунизмѣ, въ коммунистическихъ судахъ, въ дѣйствіяхъ коммунистической администрации. Марксъ положилъ основу такому отношенію къ праву, какъ «буржуазному предрассудку». Это отрицаніе права восходитъ къ Сенъ-Симону, который является настоящимъ его инициаторомъ. Идеи права и справедливости совершенно отсутствуютъ у Сенъ-Симона, хотя онъ признаетъ идею закона и легальности. Какъ объяснить это странное противорѣчіе?

Оно становится яснымъ изъ усмотрѣнія

сущности права. Наилучший анализ сущности права далъ величайшій современный русскій юристъ Петражицкій. Если устранить всѣ субъективныя особенности и недостатки его теоріи, считающей себя психологіей права, то мы получимъ настоящую феноменологію права, формулированную съ рѣдкой отчетливостью и глубиной, со свойственнымъ этому ученому исключительнымъ проникновеніемъ въ стихію права.

Сущность права состоитъ въ императивно-атрибутивной нормѣ, въ нормѣ, устанавливающей «права» и налагающей «обязанности»; или, подходя съ другой стороны, — въ правоотношеніи (двусторонней связи правомочія и обязанности, *iuris vinculum*) установленномъ нормою.

Право есть *установленіе* — сознательное или бессознательное, рациональное или интуитивное, обычное или законное, выражающее то, что «установлено» или то, что «установилось» — но оно всегда *нормативно*, т.е. есть дѣяніе, творчество, художество своего рода («царственное искусство» по слову Платона). Въ силу этого элементы права необходимо связаны телеологически. И прежде всего ясно, что не норма есть цѣль, а конкретное правоотношеніе есть цѣль: смыслъ закона въ установленіи конкретныхъ правоотношеній между живыми субъектами права («не человекъ для субботы, а суббота для человека»). И далѣе, каждое правоотношеніе двусторонне; спрашивается, какая изъ двухъ сторонъ есть настоящій смыслъ, настоящій телось правоотношеній? Иначе говоря, налагаются ли «обязанности» для того, чтобы предоставлять права; или же предоставляются «права» только для того, чтобы налагать обязанности? Истинный телось права заключается, конечно, въ *правомочіи*, въ субъективномъ правѣ лежитъ смыслъ и цѣнность всякаго права, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ самый терминъ «право». Право установлено для того, чтобы мы *имѣли право* жить и дѣйствовать, а не для того, чтобы связать насъ закономъ, какъ «бременами неудобноносимыми». Петражицкій вскрываетъ переживание «обязанности», какъ «обязанности», какъ несвободы, какъ уменія и ограниченія мощи; напротивъ, переживание права («я имѣю право») какъ расширение мощи, какъ освобожденіе, какъ обоснованіе и укрѣпленіе свободы. Въ какомъ изъ этихъ двухъ состояній лежитъ истинная цѣнность для человека? Можетъ ли быть сомнѣніе въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ? То,

что цѣнно въ правѣ, есть сфера субъективной свободы, право есть «система свободы». Цѣль права, цѣль закона не связывать и обязывать, а предоставлять (атрибутивная функція у Петражицкаго) и освобождать. Какъ не кажется очевидной такая точка зрѣнія, — все же возможно и существуетъ противоположное міросозерцаніе.

Можно въ *обязанности* усмотрѣть смыслъ и цѣнность правоотношенія. Тогда «права» существуютъ только для того, чтобы налагать обязанности, а обязанности существуютъ для того, чтобы *законъ былъ исполненъ*. Все телеологическое отношеніе переворачивается: не законъ существуетъ для того, чтобы установить конкретныя правоотношенія, а, наоборотъ, конкретныя правоотношенія существуютъ только для того, чтобы посредствомъ обязанности воплотить и реализовать абстрактную норму закона. Законность есть смыслъ права; не свобода, а порядокъ есть телось права. Такое міросозерцаніе есть *законничество*. Его принципъ: не суббота для человека, а человекъ для субботы. Это ветхозавѣтное, античное этическое міросозерцаніе, дохристіанское и внѣ-христіанское. Христіанство, какъ религія свободы, его принять не можетъ. Платонъ, не видѣвшій никакой цѣнности въ личной свободѣ и въ иррациональномъ богатствѣ ея конкретныхъ воплощеній, всю цѣнность полагалъ въ абстрактной идеѣ закона, въ декретирующей нормѣ разума. Последовательный результатъ такой этической точки зрѣнія есть *коммунизмъ*, какъ система абсолютной связанности закономъ, какъ «система обязанностей».

Теперь только ясно, какимъ образомъ социализмъ и коммунизмъ отрицаетъ *право*, будучи *законничествомъ*: онъ отрицаетъ субъективное право, какъ сферу свободы именно потому, что оно непроницаемо для закона, что оно кладетъ предѣлъ власти закона и законной власти, что оно безвластно (или никому неподвластно въ своей сферѣ). Панномизмъ этого не допускаетъ, декретизмъ рациональной нормы этого не терпитъ.

Сенъ-Симонъ является классической иллюстраціей такой точки зрѣнія: онъ вѣритъ въ силу декрета, въ силу закона, въ силу легальности: социализмъ устанавливается властью, онъ можетъ быть установленъ, по его мнѣнію, даже королевскимъ закономъ. Но Сенъ-Симонъ совершенно отрицаетъ субъективное право: для него это «эгоизмъ». Цѣнны и важны только

обязанности («нужно напоминать индивиду обязанности, побуждать къ ихъ исполненію, заставлятъ бояться ихъ несоблюденія». Сень-Симонъ). Сень-симонисты совершенно отрицаютъ принципъ автономіи личности и общества и проповѣдуютъ полное и абсолютное подчиненіе власти. Они настоящие отцы большевицкаго коммунизма, юридически болѣе толковые чѣмъ Марксъ, но у нихъ Марксъ взялъ свою идею, что право есть «буржуазный предрасудокъ» и что всякое право есть санкціонированное неравенство. Его непродуманная вражда къ государству есть вражда къ праву, кладущему предѣлъ самодержавію социалистической нормы.

Русскій социалистическій порядокъ пошелъ всецѣло по этому пути: съ одной стороны — манія законничества, жажда налагать «бремена неудобонисимыя», неудержимый потокъ декретовъ, вѣра въ то, что все можно декретировать; съ другой стороны — полное неуваженіе ко всяческому «правамъ». Цѣль совѣтскаго закона: сказать гражданамъ, что они *обязаны* дѣлать. А всякія «права» представляютъ собою тѣ временно неурегулированныя остатки свободы, которые еще не потребовались для коммуны. Въ принципѣ и они должны были быть урегулированы и въ идеалѣ будутъ урегулированы. Субъективныя права здѣсь существуютъ *по недосмотру* государства и его закона, или за ненадобностью для государства. Въ отношеніи къ коллективу существуютъ въ принципѣ только обязанности, а всѣ права въ принципѣ принадлежатъ только коллективу. При этомъ коммунистическое государство само опредѣляетъ, какъ далеко идетъ его обязываніе и сколько еще остается у «гражданъ» остатковъ свободы. Никакихъ неотъемлемыхъ гражданскихъ правъ здѣсь не существуетъ, а потому и самое понятіе «гражданина» есть недоразумѣніе. Отсутствіе *субъективныхъ публичныхъ правъ* есть точный юридическій признакъ коммунистической конституціи.

Такова юридическая природа социализма. Она во всемъ противорѣчитъ христіанскому идеалу. «Христіанскій социализмъ» есть бессмысленное понятіе. «Социализмъ и христіанство относятся другъ къ другу, какъ огонь и вода», говоритъ Бебель и въ этомъ онъ правъ, также какъ правы въ этомъ и Марксъ и Ленинъ. Христіанство отрицаетъ законничество и фарисеизмъ, который видитъ смыслъ закона въ томъ, чтобы налагать бремена неудобноносимыхъ обязан-

ностей; но христіанство не отрицаетъ *право*, какъ сферу свободы, какъ условіе возможности совершенія или несовершенія подвиговъ: ибо нужно право распоряженія своей собственностью, чтобы «продать имущество и раздать нищимъ». Ап. Павелъ ставитъ своей цѣлью разрушить идею *законничества* и фарисеизма, но онъ признаетъ цѣнность *субъективнаго права* и пользуется своимъ правомъ римскаго гражданства, какъ «условіемъ возможности» продолженія своей христіанской проповѣди. Въ силу этого отрицанія законничества христіанство, конечно, на сторонѣ того міросозерцанія, которое считаетъ, что право есть «система свободъ». Если «не человекъ для субботы, а суббота для человека», — то это значитъ, что цѣль закона — личность, ея возрастаніе, ея свобода: смыслъ субботы право отдыха и право духовнаго освобожденія отъ низшихъ матеріальныхъ заботъ, а не обязанность формальнаго воздержанія отъ всѣхъ дѣйствій, хотя бы необходимыхъ для спасенія жизни. Христіанство не утверждаетъ *обязанности* раздать имущество нищимъ. Оно признаетъ святость свободной жертвы, но жертва только тогда есть жертва, когда она не есть выполненіе обязанности. Христіанство не утверждаетъ ни обязанности богатыхъ отдавать свое имущество, ни права бѣдныхъ отнимать имущество у богатыхъ. Паеосъ социализмъ противополженъ христіанскому: это паеосъ отнятія, а не даренія!

Христіанство признаетъ цѣнностью ту свободу, которая содержится во всякомъ субъективномъ правѣ: именно свободу произвола, свободу грѣха или подвига. Богъ даровалъ человеку эту свободу и она не должна быть отнята у него никакими учрежденіями, никакими законами. Человекъ не долженъ быть превращенъ въ безгрѣшный автоматъ, непогрѣшимо дѣйствующій механизмъ. Богъ могъ его сдѣлать такимъ, но не захотѣлъ этого. Право урѣзываетъ и ограничиваетъ только такую свободу произвола, которая убиваетъ другую личность, уничтожаетъ чужую свободу.

Когда Марксъ говоритъ о свободѣ, когда вообще социалисты говорятъ о свободѣ, то это означаетъ нѣчто совершенно противоположное: тамъ свобода означаетъ сплошную рационализацию жизни! освобожденіе коллективнаго, родового человека отъ иррациональныхъ силъ природы и иррациональныхъ экономическихъ отношеній (въ этомъ и состоитъ противопоставленіе царства свободы и царства необходимости

у Маркса, какъ на это справедливо указалъ проф. Новгородцевъ). На мѣсто «свободы» поставляется «разумность», а на мѣсто разумности — коммунизмъ. ибо онъ единственно разуменъ. Такой «свободѣ» конечно, прямо противоположна та свобода, которая выражается словами Достоевскаго: а не послать ли намъ къ черту эти хрустальные дворцы социализма единственно для того, чтобы *по своей глупой волѣ позжить?* Такая свобода ирраціональнаго произвола, свобода «своеволия», заключающая въ себѣ возможность грѣха, но зато и возможность заслуги — дана человѣку Богомъ и сохранена и преображена Богочеловѣкомъ: «Я научу васъ истинѣ и истина сдѣлаетъ васъ свободными». Тоже самое обѣщаетъ Марксъ и социализмъ: онъ присваиваетъ себѣ задачу Мессіи, съ тою только разницею, что говорить: я *подлинно* васъ истинѣ и истина сдѣлаетъ васъ свободными. Это и есть принципъ инквизиціи: *compellere intrare!* Разница въ томъ, что свобода произвола, сохраняемая въ правѣ, здѣсь отрицается и отсѣкается, а потому и свобода разумности, свобода въ истинѣ, перестаетъ быть подвигомъ и заслугою и сама истинность искажается въ свою противоположность, въ абсолютную ложь. Свободы произвола, свободы выбора, свободы ирраціональной — социализмъ не хочетъ дать человѣку: этотъ даръ напрасный долженъ быть отнять, онъ не посиленъ человѣку, подвигъ Христа нужно исправить, также какъ нужно исправить исконную ошибку Творца («Великій Инквизиторъ»). Но если такъ, то нужно уничтожить субъективное право, автономію личности и демократію. Ибо субъективное право *всегда* заключаетъ въ себѣ свободу произвола, свободу грѣха или заслуги, свободу раздать имущество нищимъ или прокутить или хранить въ «подвалѣ тайномъ». Точно также и автономія народа и демократія могутъ всегда «послать къ черту хрустальные дворцы социализма» — въ этомъ великое преимущество принципа автономіи.

Въ силу этого нельзя демократію обвинять въ томъ, что человѣчество безбожно, безвкусно и пошло и некрасиво живетъ въ демократіи (какъ это утверждаетъ, напр., К. Леонтьевъ и многіе другіе критики демократіи): *volenti non fit iniuria*. Это значило бы обвинять свободу въ томъ, что человѣкъ дурно пользуется свободой, это значило бы обвинять субъективное право въ томъ, что человѣкъ дурно пользуется правомъ. Демократію можно упрекать только тогда, если она

предписываетъ безбожіе и безвкусіе, но это значитъ критиковать ее за то, что она нарушаетъ ею установленный и ею признанный принципъ автономіи, т.е. права свободнаго выбора и свободнаго творчества. Къ этому и сводится всякая разумная критика парламентаризма и демократіи: указаніе на то, что данная политическая форма перестаетъ быть системой права и системой свободы. Упадокъ творчества, упадокъ красоты происходитъ отъ изсыханія глубочайшихъ источниковъ религіозной жизни, которые лежатъ въ глубинѣ сердца, въ глубинѣ духа. Право этихъ источниковъ создать не можетъ, оно можетъ ихъ лишь охранять; но оно не можетъ быть обвиняемо въ томъ, что они изсыкли. Если мы возстановимъ средневѣковыя учрежденія, мы не возстановимъ душу средневѣковаго человѣка, которая насъ можетъ восхитить, какъ не возстановимъ ее антикварно посредствомъ костюма или мебели.

Настоящая тема социальной жизни современности есть борьба новой тираніи съ новымъ освобожденіемъ. Двѣ идеи ведутъ эту борьбу: идея *безправно властнаго механизма* и идея *безвластно правовой организаціи*. Неправильно думать, будто эта борьба будетъ выполняться старыми силами монархіи и демократіи (республики). Она можетъ одинаково протекать въ предѣлахъ каждой изъ этихъ формъ. Борьба монархіи и республики, даже вообще консерватизма и прогрессизма есть тема прошлаго и даже далекаго прошлаго, не представляющая теперь никакого актуальнаго интереса. Одинаково неправильно думать, что монархія непременно осуществитъ право и справедливость, и защитить Церковь, какъ неправильно предаваться традиціонной демократической паникѣ предъ всякою тѣнью монархизма, какъ передъ тираніей и инквизиціей. Миръ обь «ужасахъ царизма» лишенъ теперь всякаго смысла. Современная тиранія и тиранія будущаго облачается въ совершенно иную одежду и объявляетъ себя всегда прогрессивной и всегда врагомъ всякой реакціи. Коммунизмъ исповѣдуетъ религію прогресса и вѣрить въ свою прогрессивность, хотя-бы концомъ этого прогресса былъ прогрессивный параличъ. Съ другой стороны, столь же бессмысленно отождествлять демократическую республику современности съ идеаломъ безвластно-правовой организаціи. Революціонный миръ о «чудесахъ республики» тоже потерялъ всякій смыслъ. Народамъ, живущимъ въ

формах демократіи, необходимъ социальный идеалъ. Демократія стала *фактомъ*, обнаружившимъ, какъ и всякое фактическое состояніе, огромные недостатки, а потому ни въ какомъ случаѣ *идеаломъ* быть не можетъ. Справедливое отношеніе къ демократіи требуетъ, однако, признанія тѣхъ цѣнностей, которыя въ демократіи официально признаны и до известной степени обезпечены, и прежде всего, *цѣнности субъективныхъ публичныхъ правъ*. Справедливое отношеніе къ монархіи требуетъ, съ одной стороны, признанія ея заслугъ передъ идеей права: кодексъ Юстиніана, кодексъ Наполеона, русскій Сводъ Законовъ и русскіе Судебные Уставы были созданы не республиканскою властью.

Вопросъ о монархіи и республикѣ никакого актуального значенія въ современномъ государственномъ правѣ не имѣетъ. Важна не монархія и республика, а то, что въ монархіи и республикѣ происходитъ, что считается социальнымъ идеаломъ, что опредѣляетъ направленіе социального движенія. Монархія можетъ быть демократической (Англія) и антидемократической, фашистской (Италія). Да и кто теперь помнитъ, что въ Италіи, или въ Бельгіи существуетъ монархія? Современная монархія ничему не содѣйствуетъ и ничему не мѣшаетъ въ рѣшеніи социальной проблемы. Что-же касается монархіи Петра, или Людовика XIV, монархіи Цезаря, Александра Македонскаго, или Фараоновъ, то мы должны помнить неумолимый законъ времени, законъ *необратимости*. Онъ-же есть законъ творчества, законъ творческой эволюціи. Только язычество, вѣрящее въ законъ *вѣчнаго возвращенія* можетъ мечтать о возвращеніи монархіи Фараоновъ. Христіанство не вѣритъ въ идею вѣчнаго возвращенія и утверждаетъ необратимость времени, поэтому оно есть религія творчества и абсолютнаго обновленія. Если-бы встали изъ гроба и ожили всѣ эти герои древности, цари и боги стараго государства то имъ предстояло-бы неизбѣжно рѣшать

новыя социальные проблемы въ *новыхъ* формахъ. Они такъ-же не могли-бы управлять въ формахъ старой автократіи, какъ не могли-бы вести войну при помощи лука и стрѣлъ. Христіанство съ великой мудростью выражаетъ эту неизбѣжность *новыхъ* формъ для новаго творческаго содержанія, даннаго намъ Провидѣніемъ: нельзя новое вино вливать въ старыя мѣхи!

Если-бы воскресъ Петръ, онъ конечно мгновенно ориентировался-бы въ новыхъ проблемахъ и новыхъ формахъ рѣшенія и избралъ-бы рѣшеніе *коммунистическое*, которое вполне совмѣстимо съ абсолютной монархіей и имперіализмомъ. Онъ услышалъ бы совѣтъ Сень-Симона, совѣты Конст. Леонтьева и совѣты Шпенглера: разрѣшить социальный вопросъ монархическимъ декретомъ, и сталъ-бы властвовать, какъ самодержавный большевикъ. Ибо коммунизмъ есть кратчайшій способъ разрѣшающей задачу: какъ властвовать надъ рабочими и крестьянами?

Монархія такъ-же можетъ угнетать, какъ и освобождать (напр. освобожденіе крестьянъ). Демократическая республика также можетъ быть либеральной, какъ и преступно-реакціонной (напр. афинская демократія, казнившая Сократа). Поэтому дилемма: монархія или республика—ничего не говоритъ и ничего не рѣшаетъ. Кто хочетъ что-нибудь понять въ реальныхъ судьбахъ современной Европы и современной Россіи, долженъ прежде всего отряхнуть прахъ партійныхъ раздѣленій и наименованій. Последнія потеряли смыслъ и значеніе. Консерваторы ничего не сохраняютъ! Либералы никого не освобождаютъ! Соціалисты ничего не обобществляютъ (кромѣ слова «товарищъ»)! Радикалы не дѣлаютъ ничего радикальнаго! Все это фантазмы, скрывающіе отъ насъ борьбу реальныхъ силъ исторіи. И послѣднія еще не поняты и не осмыслены.

Б. Вышеславцевъ.